

Мы должны помнить, что это рѣчь эмпириста — думающаго, что есть истина и что человекъ можетъ обрѣсти ее, но не можетъ онъ безошибочно знать, что она дѣйствительно достигнута имъ. *Знать* и *знать* достоверно, что *мы знаемъ* — двѣ вещи разныя. Мы должны далѣе помнить, что эта рѣчь была обращена не къ вѣрующимъ, а къ аудиторіи, состоящей изъ слушателей высшихъ учебныхъ заведеній: „парализованіе природной способности вѣры и боязливая *абулія* въ области религіи — вотъ свойственная подобнымъ слушателямъ форма интеллектуальной слабости, порожденная усердно-внушаемой имъ мыслью, что существуетъ научная очевидность, способная избавить ихъ отъ опасности потерпѣть крушеніе въ поискахъ за истиной“. Такого рода слушатели и читатели найдутъ для себя много поучительнаго въ этой рѣчи. Вѣрующимъ же здѣсь нечего искать. Однако и для нихъ интересно видѣть, что можно сказать въ пользу вѣры съ точки зрѣнія эмпирической.

Такой же интересъ и такое же значеніе имѣютъ и остальные статьи, изъ которыхъ вторая заканчивается словами: „не бойтесь жизни, вѣрьте, что стоитъ жить и благодаря вашей вѣрѣ это дѣйствительно будетъ такъ“, — третья сводится къ положенію: „высшее благо можетъ быть достигнуто только въ томъ случаѣ, если мы живемъ подобающей намъ жизнью, а послѣднее возможно лишь съ помощью моральной энергіи, порожденной вѣрою“, а четвертая развиваетъ мысль, что „міровоззрѣніе безъ Бога не рационально, міровоззрѣніе, стремящееся превзойти Бога, невозможно“.

Изъ прочихъ статей наибольшій интересъ вызываютъ „Детерминизмъ и связанная съ нимъ дилемма“, „Философъ - моралистъ и моральная жизнь“, „Великіе люди и среда“ и „Значеніе индивидуумовъ“.

Переводъ названной книги Джемса принадлежитъ С. Н. Церетели и исполненъ добросовѣстно и изящно.

Т.

III.

Д-ръ Н. Н. Шиповъ. *О материнскомъ инстинктѣ*. Смоленскъ 1903.

Книга д-ра Шипова, названіе которой мы только что выписали, читается съ большимъ интересомъ. Такъ какъ поль-

въ жизни человѣка играетъ исключительно важную роль, то насъ невольно интересуесть и не перестанесть интересоваться все, что касается изученія человѣка въ половомъ и семейномъ отношеніи. Н. Шиповъ для изученія своего предмета пользовался не только обширной литературой, но и личнымъ опросомъ, по опредѣленной программѣ, женщинъ въ количествѣ 426 и мужчинъ 248. На основаніи такого опроса составлены первыя главы книги—о материнскомъ инстинктѣ у женщинъ и о материнскомъ (т. е. отцовскомъ или родительскомъ) инстинктѣ у мужчинъ. Въ слѣдующей части книги идетъ рѣчь о мѣстѣ материнскаго инстинкта въ душевной сферѣ человѣка (гл. IV), о причинахъ, вліяющихъ на усиленіе и на ослабленіе материнскихъ инстинктовъ (гл. V) и о роли материнскихъ инстинктовъ въ общественной жизни (VI). На стр. 137 авторъ даетъ намъ общую схему душевной жизни человѣка, въ основу которой онъ кладетъ три силы: себялюбіе, эгоизмъ и альтруизмъ. Себялюбіе зависитъ отъ чувство-инстинкта самосохраненія и побуждаетъ человѣка охранять и защищать свою жизнь отъ всѣхъ вредныхъ вліяній, побуждаетъ его воздерживаться отъ чрезмѣрнаго труда, отъ удовольствій и отъ заботъ о семьѣ, если они могутъ повредить его здоровью. Эгоизмъ влечетъ человѣка къ чувственнымъ наслажденіямъ какъ высшаго, такъ и низшаго порядка часто даже во вредъ своему здоровью и часто побуждаетъ забывать о семьѣ и о чужихъ интересахъ. Альтруизмъ стоитъ въ тѣсной связи съ материнскимъ инстинктомъ и побуждаетъ человѣка къ любви къ ближнему и подавляетъ при своемъ проявленіи себялюбіе и эгоизмъ. Такимъ образомъ авторъ кладетъ материнство въ основу всей этической жизни человѣка: сначала оно порождаетъ любовь къ своимъ дѣтямъ, затѣмъ любовь къ мужу или женѣ, къ родителямъ, родственникамъ, къ чужимъ дѣтямъ, вообще ко всему слабому, беспомощному. „Материнскій инстинктъ является единственной силой въ человѣческой душѣ, отвлекающей его отъ себялюбія и эгоизма и побуждающей къ альтруизму, любви къ ближнему и самопожертвованію часто даже во вредъ себѣ. Поэтому только материнскій инстинктъ въ человѣческой душѣ можно назвать вполне нравственнымъ и даже святымъ чувствомъ, тогда какъ половая любовь и стремленіе къ славѣ, несмотря на всю свою при-

влекательность и возвышенность, носятъ въ себѣ проявленіе сильнаго человѣческаго эгоизма“. Значительнымъ нужно признать отмѣченное въ книгѣ отличіе, доходящее до антагонизма, инстинкта материнскаго отъ полового инстинкта. Материнскій инстинктъ представляетъ собою альтруистическое влеченіе, побуждающее человѣка, забывая себя, любить и заботиться о другихъ, болѣе слабыхъ. Напротивъ, половое влеченіе является страстью болѣе сознательной, чѣмъ материнскій инстинктъ, и требующей для своего проявленія извѣстныхъ пріятныхъ положительныхъ качествъ любимаго существа. Въ противоположность материнскому инстинкту половое влеченіе эгоистично, имѣя на первомъ планѣ личное наслажденіе и счастье влюбленнаго. Увлекая человѣка къ личному эгоистическому наслажденію, половая любовь часто, хотя конечно не всегда, должна бороться съ материнскими инстинктами, которые на первомъ планѣ требуютъ самозабвенія и жертвъ для другихъ. Материнскій инстинктъ является какъ бы силою притяженія и централизаціи, объединяя людей въ одну семью; половое же влеченіе какъ бы силой отталкиванія, побуждая человѣка стремиться за предѣлы семьи и искать тамъ новыя существа для восполненія себя. Посему материнскій инстинктъ и половое влеченіе, при взаимной физиологической связи, далеко не одно и то же чувство, но чувства часто исключаютъ другъ друга. Ради материнскихъ влеченій многія женщины готовы жертвовать и своими личными эгоистическими наслажденіями и половой любовью. Напротивъ, женщины, у которыхъ ослабѣваетъ материнскій инстинктъ и повышается половое влеченіе къ мужчинѣ, начинаютъ пренебрегать присмотромъ за дѣтьми, избѣгаютъ ихъ кормить грудью и начинаютъ прибѣгать къ искусственному выкидышу, чтобы прервать беременность и по возможности дольше сохранить юношескія дѣвственныя формы тѣла. Исходя отсюда, авторъ развиваетъ этику семейной жизни. Здѣсь же авторъ указываетъ и корень различія мужчины и женщины: въ первомъ преобладаетъ половой инстинктъ, во второй—материнскій.

Книга отмѣчаетъ тѣсную связь раскрытія половой страсти съ развитіемъ духовной дѣятельности. „Вмѣстѣ съ ростомъ половой чувственности и чувственныхъ влеченій, пишетъ авторъ, растутъ и среди животныхъ, и среди племенъ у лю-

дей, и у каждаго индивида въ частности, особенно же у мужчинъ, у которыхъ преобладаетъ половая чувственность сравнительно съ женщиной, также и способность къ проявленію сильной идейной умственной жизни и волевой энергіи. У мальчика логика идей развивается вмѣстѣ съ ростомъ его полового чувства; и самыя сильныя умственныя способности мужчины проявляются въ среднемъ его возрастѣ, когда и половыя его чувства достигаютъ наибольшей высоты; съ годами къ старости слабѣетъ половое чувство мужчины и слабѣетъ его умъ. Дѣти, у которыхъ рано пробуждается половое влеченіе, сплошь и рядомъ бывають очень умными дѣтьми, что видно напр. на Лермонтовѣ или на Софьѣ Ковалевской. Талантливые люди отличаются обыкновенно сильной половой способностью и страстностью въ связи съ половую воздержностью; идіоты же и слабоумные обыкновенно имѣють половую чувственность очень слабо развитой. Но авторъ не останавливается на этомъ. Если между пробужденіемъ чувственной страсти и пробужденіемъ умственной энергіи наблюдается соотвѣтствіе, то и между удовлетвореніемъ умственныхъ и удовлетвореніемъ половыхъ чувственныхъ стремленій существуетъ строгая зависимость и извѣстный антагонизмъ. Именно, низменныя половыя страсти ослабляютъ запросъ къ высшему идейному умственному труду; а сильная умственная работа ослабляетъ склонность къ сладострастнымъ удовольствіямъ. Сильная умственная работа можетъ происходить только при болѣе или менѣе сильномъ половомъ воздержаніи. Люди талантливые были людьми болѣе или менѣе воздержными особенно въ то время, когда они писали свои замѣчательныя работы. У человѣка ростъ умственныхъ способностей, побуждающихъ его къ идейной жизни и сильному напряженію энергіи, начинается вмѣстѣ съ развитіемъ половой зрѣлости; половыя излишества дѣйствуютъ чрезвычайно вредно на умственныя способности и энергію человѣка, тогда какъ половая воздержность способствуетъ ихъ усилію. Низшія расы, умственно еще недоразвитыя, въ своихъ половыхъ отношеніяхъ, предаются исключительно чувственной любви и чрезвычайно безпорядочнымъ половымъ связямъ и имѣють слабо развитую стыдливость; болѣе же культурныя расы вносятъ въ половыя отношенія элементъ духовныхъ привязанностей

и половая ихъ жизнь регулируется бракомъ, супружеской вѣрностью и цѣломудріемъ. Исторія народовъ доказываетъ, что половая воздержность народовъ и ихъ чистота нравовъ существуетъ всегда во время наивысшаго ихъ умственнаго расцвѣта и наивысшаго политическаго могущества; съ паденіемъ же чистоты нравовъ падаетъ и политическое и умственное господство данной націи и она сходитъ съ исторической сцены, будучи побѣждена другими болѣе воздержными народами...

Эту проповѣдь воздержанія со стороны представителя медицинской науки должно признать особенно цѣнной для нашего времени, когда столь громко и увлекательно воспѣвается святое сладострастіе!..

Также цѣнны и очевидно рассчитаны на современное блужданіе умовъ и тѣ страницы, на которыхъ раскрывается значеніе христіанства для процвѣтанія семейной жизни. „Религіозный культъ, главная заповѣдь котораго гласитъ: „возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“ и требующій безконечнаго всепрощенія, долженъ посвящать наибольшія свои заботы поддержкѣ, укрѣпленію и усиленію материнскихъ инстинктовъ въ средѣ своихъ послѣдователей. И дѣйствительно, христіанство главное свое вниманіе посвящаетъ укрѣпленію въ сердцахъ вѣрующихъ материнскихъ инстинктовъ, что и замѣчается и въ общественномъ бытѣ христіанъ, и въ церковныхъ обрядахъ и предписаніяхъ, и въ догматахъ самой вѣры; поэтому христіанство болѣе, чѣмъ какой бы то ни было религіозный культъ, можетъ называться „религіей женщинъ“. Приемы, къ которымъ прибѣгаетъ христіанство для развитія и укрѣпленія материнскихъ инстинктовъ въ сердцахъ вѣрующихъ, распадаются: во-1-хъ на средства, подавляющія половую чувственность и эгоистическую чувственную половую любовь, которая, какъ извѣстно, стоитъ въ противорѣчій съ материнскими инстинктами. Во-2-хъ на средства, подавляющія вообще эгоистическія чувственныя влеченія, которыя при своемъ появленіи легко заглушаютъ материнскіе инстинкты, требующіе самопожертвованія и лишены во имя любви къ своимъ дѣтямъ или вообще къ малымъ, слабымъ и страдающимъ. И въ 3-хъ на средства, возбуждающія материнскіе инстинкты и укрѣпляющія и усиливающія семейныя добродѣтели“. Разсматривая

съ этихъ точекъ зрѣнія христіанство, авторъ въ частности останавливаетъ свое вниманіе и на православіи, такъ какъ „и въ христіанствѣ не каждое исповѣданіе въ равной мѣрѣ вліяетъ на усиленіе и сохраненіе среди вѣрующихъ материнскихъ инстинктовъ“...

„Такъ, въ частности, лики православныхъ святыхъ носятъ на себѣ печать величія и покоя. Неестественность и натянутость позъ святыхъ отдаляетъ взирающаго на нихъ чело-вѣка отъ всего земного. Никакая вольность или же эффе-ктивность позъ не допускается въ иконахъ православнаго образца. Католичество же отчасти возвратилось къ чувственному культу классическаго міра, допустивши въ свои храмы роскошныя статуи и на иконахъ отчасти показывая вѣрующимъ тѣлесную красоту святыхъ. Лютеранство уничтожило у себя иконы и статуи католическаго образца, но оно не дало въ своихъ храмахъ подобно православію идеаловъ аскетизма, идеаловъ покоя, цѣломудрія и воздержанія.—Самыя пѣсно-пѣнія и молитвы православной церкви не носятъ въ себѣ ничего возбуждающаго сладострастіе, а напротивъ призы-ваютъ къ воздержанію и отвлекаютъ отъ чувственныхъ вле-ченій, напоминая о суетѣ суетъ всего земного“.

7.
